

УДК 339.92 + 330.322.1

Н. П. Рыжова

ИНВЕСТИЦИОННАЯ КОМПОНЕНТА МОДЕЛИ КОРПОРАТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ КИТАЯ И РОССИИ

На примере прямых иностранных инвестиций из Китая в Россию рассмотрена модель корпоративной интеграции и обсуждена роль неформального экономического поведения в ее реализации. Выявлены особенности пространственной структуры прямых инвестиций из Китая в Россию. На основе индекса Герфиндаля-Хиршмана проведено сравнение концентрации прямых накопленных инвестиций из КНР, прямых накопленных иностранных инвестиций и отечественных инвестиций в основной капитал в российских регионах.

Прямые иностранные инвестиции, интеграция рынка капиталов, неформальная модель корпоративной интеграции, пространственное распределение иностранных инвестиций, индексы концентрации инвестиций, приграничные регионы, Россия, Китай.

В диалоге между Россией и Китаем значимая роль отводится необходимости стимулирования взаимных инвестиций, однако в отличие от внешней торговли, объемы которой почти ежегодно увеличиваются, инвестиционное сотрудничество практически не развивается. Прямые иностранные инвестиции из Китая составили в 2010 г. менее 1% в совокупных инвестициях, полученных Россией, при этом они выросли с 2006 по 2010 г. почти в 6 раз; доля России в накопленных Китаем прямых инвестициях еще меньше. Реализация совместных программ [5], опека инвестиционного процесса в целом и отдельных проектов в рамках встреч, двусторонних комиссий и подкомиссий по сотрудничеству проблему решают в малой степени.

© Рыжова Н. П., 2011

Статья подготовлена при частичной финансовой поддержке РФФИ, грант № 09-06-00309-а.

Закономерно возникает ряд вопросов: что препятствует наращиванию взаимных вложений, и каковы перспективы этого процесса; нужна ли существенная государственная (централизованная) опека, заключение формальных институциональных соглашений об интеграции рынка капиталов или возможно развитие корпоративных, т. е. построенных на бизнес-контактах, моделей интеграции? Или, другими словами, как происходит и как будет происходить интеграция рынков капиталов России и Китая — «снизу» или «сверху»? На первый взгляд, ответ о единственном пути «сверху» очевиден, поскольку и Россия, и Китай являются весьма централизованными государствами. Однако, как показывают представленные в этой статье оценки пространственной структуры накопленных инвестиций и модели экономического поведения и практики взаимодействия, сформировавшиеся к настоящему времени, альтернативный сценарий возможен.

МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ДВИЖЕНИЕ КАПИТАЛОВ

Прямые иностранные инвестиции во всем мире растут опережающими темпами по сравнению с темпами роста международной торговли и становятся движущей силой современной экономической интеграции. Основные объемы инвестиций за рубежом приходятся на ЕС и НАФТА, которые остаются «классическими» и наиболее исследованными интеграционными центрами.

Компаративные исследования международной интеграции, под которой традиционно понимается устранение барьеров на пути трансграничных потоков товаров, услуг и капиталов, позволили выделить две основные ее модели: регионализм (или интеграция «сверху», через создание формальных институтов на межгосударственном уровне) и регионализация (или интеграция «снизу», через установление межрегиональных, межмуниципальных и корпоративных связей) [4; 9; 18].

Модель регионализма в большей степени характерна для НАФТА, где она опирается на межправительственные соглашения при минимальном количестве действующих трансграничных структур, в которые вовлечены локальные власти. В целом в рамках НАФТА страны ориентированы на снижение торговых и инвестиционных барьеров и мало беспокоятся о создании трансграничной социально-культурной взаимозависимости, которая, конечно, все равно развивается в основном под влиянием миграционных процессов. Лидер интеграции в этом регионе — США — продолжает использовать барьерную функцию границы для контроля потоков людей, товаров, внутренних цен, в частности, на сельскохозяйственную продукцию [8].

Модель регионализации, характерная для Европейского союза, предполагает процесс экономических, политических и культурных взаимодействий между локальными и региональными властями соседствующих приграничных территорий, воплощенных в институтах [17]. Не меньшее значение имеют и другие движущие силы интеграции — в том числе трансграничные миграции; транснационализация корпораций, а также малого и среднего бизнеса; внутрифирменная торговля, основанная на взаимодействии дочерних компаний [11]. В некоторых исследованиях концепт «модель регионализации» выступает синонимом по отношению к «модели корпоративной интеграции» [4], что, на взгляд автора, не совсем точно. Действительно, корпоративная интеграция (инвестиционное и торговое сотрудничество между бизнес-структурами) является частью регионализации, но для нее не менее важны сотрудничество на уровне субнациональных органов власти, миграция трудовых ресурсов.

Модели регионализма и регионализации не встречаются в «чистом» виде. Начавшись с подписания межгосударственных соглашений, регионализация в Европе сегодня немыслима без деятельности бизнес-структур или трансграничного взаимодействия муниципалитетов. Регионализм НАФТА, начало которому было положено в 1965 г. подписанием соглашения о «макиладорас» — сборочных американских предприятиях в мексиканских приграничных регионах, — прошел период преимущественно корпоративной, а затем межгосударственной интеграции: укрепившись за счет наращивания объема инвестиций в 1980-х, именно «макиладорас» лоббировали подписание соглашения о НАФТА. Таким образом, начинаясь «сверху» или «снизу», интеграционный процесс предполагает, что со временем в той или иной степени будут сосуществовать обе модели, по крайней мере, за счет развития корпоративной интеграции.

Опыт стран Азии и Африки заставил исследователей обратить внимание на то, что интеграция может развиваться не просто в отсутствие формальных институтов, но в действительно неформальной плоскости — через параллельную торговлю и даже контрабанду, ненаблюдаемое движение капиталов, через деятельность этнических и других бизнес-сетей. А. Либман, рассматривая на примере пяти регионов мира варианты корпоративной интеграции, подчеркивает, что в целом слабые интеграционные процессы на африканском континенте практически полностью опираются на параллельную торговлю, которая «более оперативна и эффективна, чем та, которая идет через официальные каналы», при этом «регионализация на основе корпоративных инвестиций здесь практически отсутствует». В свою очередь Юго-Восточная Азия представляет собой наиболее яркий пример интеграции «снизу», которая опирается на «неформальные китайские де-

ловые сети и инвестиционную активность японских деловых структур» при очень медленных, но усилившихся в последнее время процессах формализации [4].

Таким образом, не только, а в некоторых случаях не столько размещение факторов производства, политические институты и формализованные соглашения, но и способы организации, схемы инвестирования, модели управления бизнесом определяют, будет ли иметь место интеграция «сверху» или интеграция «снизу», и какой преимущественно характер — формальный или неформальный — будет носить последняя [20]. Институциональные ограничения, характерные для региона (такие как высокие таможенные барьеры, жесткие требования по лицензированию ВЭД, коррупция, слабость вновь созданных рыночных институтов), могут влиять на преимущественно неформальные модели поведения фирм, участвующих в кросс-границных экономических обменах. Рассмотрим в качестве примера случай параллельной приватизации через интернационализацию бизнеса в Китае. К началу 1990-х гг. не только несколько основных министров, специализирующихся на международных отношениях, имели фирмы за рубежом, но каждый крупный представитель национального министерства, а также и многих провинциальных организовывал офшорную фирму. А затем и вовсе каждый муниципалитет или город со специальной экономической зоной имели инвестиции за рубежом. Причины роста заинтересованности органов власти в инвестициях за рубежом были банальными и определялись желанием номенклатуры провести «параллельную» приватизацию государственной (муниципальной) собственности. Существовали различные схемы неформальной приватизации (подставное лицо, фирмы-«близнецы», использование инсайдерской информации и т. п.), в большинстве случаев задействовались несколько представителей министерств. Центральное правительство предпринимало попытки свернуть эту спонтанную интернационализацию, но с небольшим успехом. Понимание того, что капиталы после бегства в офшоры (нередко в Гонконг) возвращаются зарубежными частными инвестициями в китайские же провинции, «примиряло» центральное правительство с неформальной приватизацией [13].

В результате таких операций приватизации неформальные схемы интернационального бизнеса (по сути являющиеся классическими «money laundry») и рентоориентированное поведение чиновников в условиях мягких бюджетных ограничений становились привычными, при этом они, конечно, не могли иметь локальный характер, т. е. использоваться только в отношениях между КНР и Гонконгом. Напротив, обоснованным будет предположение о том, что эти же схемы реализуются и в отношениях между другими международными партнерами и при реализации иных, кроме приватизации, задач.

Опыт НАФТА и ЕС, и тем более процессы, происходящие в Восточной Азии и Африке, свидетельствуют, насколько значима роль типичных, наиболее распространенных моделей организации бизнеса в механизмах региональной интеграции [14]. Ведь даже на интуитивном уровне понятно, что американо-мексиканские «макиладорас», европейские ТНК в Азии или Африке, японские «кейрецу» в странах «летающих гусей», китайские этнические «бамбуковые» сети в США или на Филиппинах должны отличаться по способам координации и реализуемым моделям экономического поведения и в зависимости от внешнего окружения. Стоит ли ожидать, что агенты, участвующие в торговле и инвестициях, не влияют на то, как происходит интеграция, к каким эффектам она приводит?

Таким образом, движение капиталов как часть международной экономической интеграции связано с типичными моделями экономического поведения. Модель корпоративной интеграции, которая в той или иной степени присутствует во всех регионах мира, нередко характеризуется неформальной составляющей, которая очевидно выше в странах с переходными рыночными институтами и странах догоняющего развития.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ ИЗ КИТАЯ В РОССИЮ

Страны, вовлеченные в более развитые формы интеграции, имеют большие объемы взаимных прямых иностранных инвестиций, при этом развитие взаимной торговли стимулирует взаимное движение капитала. Объяснение этого состоит в особенностях организации современного транснационального производства. Доля России в китайской торговле в 1995 и 2005 гг. составляла около 2%, что существенно ниже доли США или Германии, отделенных от КНР значительно большим расстоянием. Доля Китая в российской торговле в 1995 и 2005 гг. была ниже доли Германии, Нидерландов и Италии, не имеющих с Россией общей границы. Индексы торговой концентрации¹ (1,1 и 0,7 в Китае и России соответственно) показывают, что Китай торгует с Россией больше на 10%, чем это «предсказано» долей России в мировом обороте, а Россия с Китаем меньше на 30%, чем это «предсказано» долей Китая в мировом обороте. При этом индексы концентрации Китая на торговле с Японией составляет 2,5, а с Гонконгом 5 (рассчитано по [6; 12; 18]). Таким образом, потенциал торговли России и Китая остается не-

¹ Для этого доля региона i в торговле страны I со страной J соотносится с долей региона i во всей внешней торговле страны I . Значение индекса более 1 означает, что регион i торгует существенно больше со страной J , чем это «предписано» его долей в международной торговле своей страны I .

использованным в полной мере¹, следовательно, низкий уровень их взаимных инвестиций выглядит предсказуемым.

Рассмотрим, как пространственно распределялись объемы капитала, поступившие из Китая в Россию. Наиболее привлекательным для китайских инвесторов на протяжении 2006–2010 гг. был Северо-Западный федеральный округ (от 52 до 70% китайских инвестиций), где основные инвестиции пришлось на Санкт-Петербург (от 53 до 66%). За период с 2006 г. в 2 раза увеличилась доля инвестиций, накопленных Центральным федеральным округом, в основном за счет поступлений в Москву. Доля капитала, привлеченного в Дальневосточный федеральный округ, напротив, снизилась почти в 2 раза. При этом накопленные инвестиции в абсолютном выражении выросли во всех федеральных округах, в т. ч. и в Дальневосточном, в 3 раза, с 31 до 97 млн долл. (табл. 1).

Таблица 1
Пространственная структура накопленных прямых инвестиций из Китая в РФ, %

Федеральный округ	2006	2007	2008	2009	2010
Центральный	8,1	2,6	16,4	10,4	15,2
Северо-Западный	60,7	69,6	60,0	51,6	54,7
Южный	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0
Северо-Кавказский	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Приволжский	9,2	3,2	2,1	1,0	1,0
Уральский	0,0	0,0	0,0	2,3	2,5
Сибирский	2,8	13,6	11,6	25,1	16,2
Дальневосточный	19,0	11,0	9,8	9,6	10,4

Источник: рассчитано по: [6].

Хотя инвестиции из Китая в Россию по-прежнему незначительны и преждевременно говорить о том, что развитие торгового сотрудничества привело к созданию транснациональных производств с китайскими источниками капитала, взаимосвязь между пространственной структурой накопленных прямых инвестиций и взаимной торговлей имеет место. Так, например, доля Южного федерального округа малозаметна в структуре взаимной российско-китайской торговли и практически равна нулю в структуре накопленных инвестиций. Нулевые значения по обоим показателям также имеет Северо-Кавказский федеральный округ. Российско-китайская экономическая интеграция как по торговым, так и по капитальным потокам пространственно смещена к центру России, т. е. к Северо-Западному и Центральному федеральным округам.

¹ Эконометрические расчеты с использованием гравитационной модели, подтверждающие это, см. в [9].

гам. Географически близкий к Китаю Дальневосточный федеральный округ имеет скромные показатели как по доле во взаимной торговле, так и по накопленным инвестициям в сравнении с округами-лидерами (рис. 1).

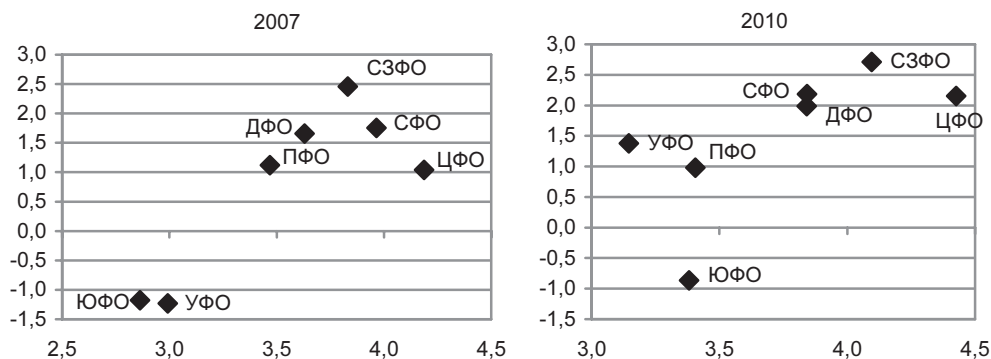

Рис. 1. Взаимосвязь прямых инвестиций из КНР и торговли с КНР (по федеральным округам), млн долл.

Примечания: значения всех показателей прологарифмированы; данные по ЦФО взяты как сумма внешнеторговых оборотов Центрального ТУ и таможен центрального подчинения.

Источники: рассчитано по: данные по торговле [7]; данные по инвестициям [6].

Основным приоритетом для инвесторов из КНР на протяжении 2006–2010 гг. оставались операции с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг — доля этого вида экономической деятельности в суммарных накопленных инвестициях составляла от 56 до 68%. В 2008–2010 гг. резко повысилось значение инвестиций в финансовую деятельность (табл. 2).

Таблица 2

Структура прямых инвестиций из КНР на конец года по основным видам экономической деятельности, %

Вид экономической деятельности	2006	2007	2008	2009	2010
Сельское и лесное хозяйство	7,21	6,36	4,81	5,48	4,58
Добыча полезных ископаемых	3,71	7,60	6,83	7,55	7,44
Обрабатывающие производства	10,07	9,41	6,76	2,95	3,44
Строительство	2,75	0,75	3,77	2,52	7,26
Торговля	7,37	6,20	7,22	4,62	5,30
Гостиницы и рестораны	3,17	1,72	1,28	0,67	0,71
Финансовая деятельность	0,96	0,55	12,41	8,01	9,76
Операции с недвижимым имуществом, по аренде и предоставлению услуг	64,54	67,34	56,67	67,98	61,28
Прочие	0,22	0,07	0,25	0,22	0,23
Всего	100	100	100	100	100

Источник: рассчитано по: [6].

Пространственное распределение китайских инвестиций в прочие виды (помимо операций с недвижимостью и финансовой деятельностью) показывает, что эти инвестиции в значительной степени смещены в Дальневосточный и Сибирский федеральные округа, хотя доля Центрального федерального округа выросла за период с 2007 г. в 4 раза (табл. 3).

Таблица 3

**Пространственная структура накопленных прямых инвестиций из Китая в РФ
(без учета инвестиций в финансовую деятельность и операции
с недвижимым имуществом), %**

Федеральный округ	2007	2008	2009	2010
Центральный	7,3	17,5	16,4	29,9
Северо-Западный	12,2	15,4	9,6	8,3
Приволжский	9,9	6,9	4,0	3,5
Южный	0,0	0,0	0,0	0,0
Уральский	0,0	0,2	0,1	0,1
Сибирский	40,7	33,1	33,5	24,0
Дальневосточный	29,9	26,9	36,4	34,2
Всего	100	100	100	100

Источник: рассчитано по: [6].

В свою очередь приграничные регионы, расположенные в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах и соседствующие с КНР, получили значимую долю инвестиций в «реальный сектор экономики» (а именно в сельское и лесное хозяйство, добычу полезных ископаемых, в меньшей степени – в обрабатывающие производства). Такая пространственная структура в целом соответствует выводам современной теории интеграции, которая предсказывает перемещение производства в приграничные регионы стран, вступающих в экономические альянсы. Эти теоретические выводы подтверждаются и эмпирическими исследованиями. Так, например, в работе Лауры Решмини [15] исследуются региональные особенности размещения производств в переходных странах-«кандидатах» в ЕС и доказываемся, что прямые иностранные инвестиции и географическая близость к ЕС привели к их географическому перемещению в приграничные регионы.

Китайские инвестиции в сельское и лесное хозяйство в Забайкальский, Приморский, Хабаровский края, Еврейскую автономную область (ЕАО) и Амурскую область составили в 2010 г. в сумме более 55% от китайских инвестиций в этот вид деятельности. Впрочем, регионом-лидером с 2007 до 2010 г. оставалась Томская область — к 2010 г. в лесном хозяйстве объем инвестиций из КНР составил более 25 млн руб. (табл. 4).

Таблица 4

Структура прямых инвестиций из КНР в сельское и лесное хозяйство, %

Регион	2006	2007	2008	2009	2010
Ивановская область	7,15	3,25	0,00	0,00	0,00
Забайкальский край	0,83	0,38	1,29	6,34	13,43
Томская область	0,01	47,21	48,06	65,41	43,72
Камчатский край	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Приморский край	0,08	0,06	3,96	5,11	10,80
Хабаровский край	43,44	21,32	1,14	0,45	0,57
Амурская область	19,39	11,75	29,23	16,05	22,93
ЕАО	28,76	15,71	15,81	6,43	7,79
Прочие	0,34	0,31	0,51	0,22	0,76
Всего	100	100	100	100	100

Источник: рассчитано по: [6].

Объем накопленных прямых инвестиций из КНР в добыче полезных ископаемых в приграничных регионах (Забайкальском и Приморском краях, Еврейской автономной области) составил к концу 2010 г. более 66% (табл. 5).

Таблица 5

Структура прямых инвестиций из КНР в добычу полезных ископаемых, %

Регион	2006	2007	2008	2009	2010
Забайкальский край	23,93	61,15	55,62	33,71	34,79
Приморский край	0,00	0,00	0,00	21,66	22,43
Магаданская область	74,29	37,35	42,15	24,35	6,66
Сахалинская область	0,00	0,00	0,00	14,03	26,65
ЕАО	1,78	1,49	1,67	6,21	9,42
Прочие	0,01	0,00	0,56	0,05	0,05
Всего	100	100	100	100	100

Источник: рассчитано по: [6].

Чуть менее 30% инвестиций из КНР накоплено приграничными регионами в 2010 г. по виду экономической деятельности «обрабатывающие производства», в т. ч. 18,3% — Приморским краем, 2,4% — Хабаровским, 4,1% — Амурской областью и 4,9% — Еврейской автономной областью. Доля приграничных регионов выросла в 3 раза с 2006 г., после резкого уменьшения доли Республики Башкортостан в 2008 г. (в 2006 г. на нее приходилось 70%, в 2007 г. — 30% инвестиций, а в 2010 г. — лишь 3% китайских инвестиций в обрабатывающие производства). Интересно, что по такому виду экономической деятельности, как торговля, приграничные регионы накопили суще-

ственно меньшую долю китайских инвестиций, чем регионы-лидеры — в частности, Новгородская область (35,5% в 2010 г.), Москва (12,5%), Республика Башкортостан (8,2%) и Санкт-Петербург (7,3%).

Всего приграничными регионами в 2006–2010 гг. было накоплено от 11 до 18% прямых инвестиций, поступивших из Китая, что является относительно высокими показателями, учитывая удельный вес суммарных накопленных прямых инвестиций из всех стран в экономиках приграничных регионов (от 1 до 2%). Для оценки концентрации прямых иностранных инвестиций из КНР, отечественных и иностранных инвестиций из других стран рассчитан индекс Герфиндаля-Хиршмана (Herfindahl-Hirschman Index — ННИ), традиционно используемый для оценки уровня рыночной концентрации.

$$ННИ = \sum_{j=1}^k (i_j / I \times 100\%)^2,$$

где: k — количество регионов; i_j — объем инвестиций в j -м регионе; I — общий объем инвестиций в стране. Теоретически максимальное значение индекса ННИ, равное 10000, достигается тогда, когда весь объем иностранных инвестиций приходится на один регион. Минимальное же значение индекса, соответствующее *равномерному* распределению инвестиций по всем k регионам, равно $10000/k$.

В таблице 6 представлены расчетные значения индекса для прямых накопленных инвестиций из КНР ($ННИ_{PRC}$), прямых накопленных иностранных инвестиций ($ННИ_{overseas}$) и отечественных инвестиций в основной капитал ($ННИ_{national}$).

Таблица 6

Индекс концентрации инвестиций в экономике РФ

Индекс	2006	2007	2008	2009	2010
$ННИ_{PRC}$	3739,49	4459,84	3479,53	2867,20	3094,89
$ННИ_{overseas}$	1480,42	1587,52	1587,32	1347,86	1158,33
$ННИ_{national}$	446,4	424,7	410,7	304,3	323,2
ННИ — теоретическое значение	125	125	125	125	125

Примечание: количество регионов в расчетах неизменно — 80.

Источник: рассчитано по: [6].

Согласно расчетам, иностранные инвестиции в России являются высококонцентрированными ($ННИ_{overseas}$ был в 9 раз выше теоретического значения в 2010 г.). Концентрация отечественных инвестиций значительно ниже концентрации иностранных инвестиций, но также высока ($ННИ_{national}$ в 3 раза выше теоретического значения). Наконец, индекс концентрации ки-

тайских инвестиций был наиболее высоким в сравнении с индексами по другим видам инвестиций (НИИ_{PRC} в 2010 г. в 24 раза выше теоретического значения).

Судя по вкладу регионов в формирование индекса НИИ, рассчитанного по каждому виду инвестиций (табл. 7), приграничные с Китаем территории оставались относительно более привлекательными только для китайских инвесторов, тогда как в целом иностранные и отечественные инвестиционные приоритеты сложились иначе.

Таблица 7

Регионы концентрации инвестиций по показателю НИИ

Группа	2006	2008	2010
Регионы, лидирующие по инвестициям из КНР	Санкт-Петербург (3550,62), Республика Башкортостан, Москва, <i>Хабаровский, Приморский края</i> , Магаданская, <i>Амурская</i> области, <i>Еврейская АО, Забайкальский край</i> , Самарская, Новгородская, Московская области (0,47)	Санкт-Петербург (3163), Москва, <i>Забайкальский край</i> , Новгородская, Иркутская, Магаданская, Томская области, <i>Приморский край, Амурская обл., Хабаровский край, ЕАО</i> , Республика Башкортостан (0,99)	Санкт-Петербург (2790), Москва, <i>Забайкальский, Алтайский, Приморский</i> края, Томская, Тюменская, Сахалинская, <i>Амурская, Новгородская</i> области, <i>ЕАО</i> , Калужская обл. (0,90)
Регионы, лидирующие по иностранным инвестициям	Москва (646,9), Сахалинская, Липецкая, Московская области, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Тюменская, Ленинградская, Ростовская, Новгородская, Самарская области, Республика Татарстан (0,62)	Москва (991,43), Сахалинская, Липецкая, Московская области, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Тюменская, Челябинская, Ленинградская области, <i>Приморский край</i> , Свердловская, Томская области (1,04)	Москва (525), Липецкая, Сахалинская, Московская области, Санкт-Петербург, Тюменская обл., Краснодарский край, Ленинградская, Калужская, Челябинская, Новгородская, Самарская области (1,32)
Регионы, лидирующие по национальным инвестициям в основной капитал	Москва (159,48), Тюменская, Московская области, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Краснодарский край, Сахалинская, Свердловская области, Республика Башкортостан, Ленинградская, Кемеровская, Челябинская области (4,07)	Тюменская обл. (143,97), Москва, Московская обл., Санкт-Петербург, Краснодарский край, Республика Татарстан, Свердловская, Нижегородская области, Красноярский край, Республика Башкортостан, Ростовская, Челябинская области (4,25)	Тюменская обл. (132), Москва, Краснодарский край, Санкт-Петербург, Московская обл., Республика Татарстан, Ленинградская обл., Красноярский край, Свердловская обл., <i>Приморский край</i> , Нижегородская, Ростовская области (2,76)

Примечание. Приведены данные по 12 регионам с наибольшими показателями; регионы расположены в порядке убывания значения показателя. Курсивом выделены регионы, граничащие с КНР.

Таким образом, наибольшая концентрация китайских инвестиций наблюдается в столицах (финансовая деятельность и операции с недвижимым имуществом) и регионах (добыча полезных ископаемых, сельское и лесное хозяйство), в число которых попадают приграничные с Китаем регионы. Тогда как прямые иностранные инвестиции из других стран и отечественные сконцентрированы в столичных регионах либо в регионах, связанных с добычей, переработкой, транспортировкой нефти и газа.

НЕФОРМАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КОРПОРАТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Перейдем к вопросу о том, какая из моделей интеграции преобладает сейчас в сотрудничестве России и Китая. Наиболее заметным среди прочих документов о сотрудничестве на данный момент является «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики» [5]. Она отражает одновременно тенденции развития формальной интеграции «сверху» в силу того, что была инициирована и подписана центральными органами власти и может рассматриваться как проявление корпоративной интеграции «снизу», поскольку по сути является пакетом инвестиционных предложений. Однако провальная пока реализация этой Программы (выбытие ряда проектов с российской стороны, противоречия в выделении приоритетных именно для китайских инвесторов проектов, наличие не только основного собственника, но и инвесторов для реализации и, главное, отсутствие заявленных инвестиций) указывает на определенные и серьезные противоречия между желаемым и реальным состоянием инвестиционного процесса. Так, например, ни один из проектов, включенных в Программу от Амурской области, не начал реализовываться, а некоторые, в частности «Освоение Евгеньевского месторождения апатита в Тындинском районе Амурской области» и «Освоение Куликовского месторождения цеолитов», были исключены из приоритетных списков. Впрочем, процесс формирования и переформирования этих списков идет параллельными, непересекающимися путями с теми инвестиционными приоритетами, что уже сложились. Так, в 2010 г. основные инвестиции из Китая в Амурскую область поступили в основном в *малый* бизнес — производство кирпича, черепицы и прочих изделий из обожженной глины (ООО АСПК «Сиган»), общестроительные работы по возведению зданий (ООО «Компания строительных материалов «Чжэнь Син»), выращивание масличных культур (ООО «Амурская Оцзя»), лесозаготовку, сбор дикорастущих плодов и ягод (ООО «Лесная лига» и ООО «Лесная гармония»). В других регионах Сибири и Дальнего Востока,

в т. ч. приграничных, ситуация похожа, и, следовательно, можно говорить о неэффективности мероприятий в рамках реализации модели интеграции «сверху» и потому абсолютном преобладании интеграции «снизу».

Наконец, последний вопрос, на котором мы остановимся: насколько характерна для изучаемых двух стран неформальная интеграция? Китайские предприниматели выделяют следующие проблемы, с которыми они сталкиваются при желании инвестировать в экономику РФ: «Основные проблемы китайских компаний по инвестициям в Россию связаны с недостатком опыта (у российских партнеров. — *Примеч. Н. Р.*), даже у крупных компаний, по инвестированию за рубежом, невысоким в целом уровнем подготовки менеджмента, слабой разработкой ТЭО, трудностями привлечения финансовых средств. ...Слабая проработка технико-экономического обоснования стала одним из основных сдерживающих факторов начала реализации крупного проекта китайской автомобилестроительной компании «Великая стена» по сборке автомобилей в ОЭЗ Алабуга (Республика Татарстан). В конце 2006 г. возникла конфликтная ситуация на крупнейшем китайском подрядном строительном объекте «Башня Федерация» (г. Москва). Китайские инвесторы высказывали жалобы на трудности взаимодействия с администрациями различных уровней, сложности при оформлении землеотводов, получении разрешений на использование китайской рабочей силы, ввоза оборудования в счет уставных фондов предприятий. ...Анализ данных Государственного комитета по делам развития и реформам КНР подтверждает, что ряд проектов реализуются медленно либо приостановлены» [2].

Если предположить, что приведенные в цитате проблемы действительно являются основными препятствиями для китайских инвестиций в России (что само по себе заслуживает отдельного исследования), то означает ли это, что в приграничных регионах «уровень менеджмента» или «качество подготовки ТЭО» лучше, чем в других российских регионах? Или в этих регионах проще с «получением разрешений» и «ввозом оборудования и рабочей силы»? Ответ на первый вопрос о лучшей подготовке и квалификации менеджеров и экономистов в приграничных регионах очевидно отрицателен. Однако, вероятно, преодолеть административные барьеры в этих регионах проще благодаря посредничеству и практикам оформления бизнеса на подставных лиц. Такие неформальные модели экономического поведения в целом характерны для различных видов кросс-граничных экономических обменов между Россией и Китаем, в том числе в сфере сельского/лесного хозяйства и добычи полезных ископаемых.

Таким образом, интеграция «снизу» в приграничных регионах опирается на неформальные схемы ведения бизнеса, используется в основном малыми предприятиями для снижения административных барьеров, уменьшения на-

логовых и других затрат, т. е. в целом для уменьшения транзакционных издержек. Коррупция и сложившиеся и ставшие привычными еще в начале 1990-х гг. в рамках «челночной торговли» сетевые формы организации бизнеса облегчают реализацию такой модели экономического поведения. Но как в «челночной торговле», так и в «параллельных» инвестициях причинами неформальной экономики является не большая склонность каких-то лиц к нелегальной деятельности, а чрезмерно жесткие барьеры, постоянно изменяющиеся правила, стремление заменить естественные экономические процессы желательными, но не опирающимися на реальную ситуацию проектами.

Важен вопрос о том, насколько ситуация в приграничных регионах отличается от остального пространства РФ. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении данные китайской статистики об инвестициях в Россию пространственно не распределены, что не позволяет ответить на этот вопрос корректно. Вместе с тем сопоставление статистических данных двух стран (табл. 8) дает определенные основания для обоснованных предположений по этому поводу.

Таблица 8

**Расхождение данных статистического учета
по взаимным прямым накопленным инвестициям Китая и России**

Показатель	2006	2007	2008
1. Российские статистические данные по инвестициям, млн долл.			
Из КНР в РФ	166,7	414,9	547,8
Из РФ в КНР	11,9	14,2	30,3
2. Китайские статистические данные по инвестициям, млн долл.			
Из КНР в РФ	935	1374	1614
Из РФ в КНР	610	660	720
3. Превышение китайских статистических данных над российскими, млн долл.			
Из КНР в РФ	768,3	959,1	1066,2
Из РФ в КНР	598,1	645,8	689,7
4. Превышение китайских статистических данных над российскими, раз			
Из КНР в РФ	5,6	3,3	2,9
Из РФ в КНР	51,3	46,4	23,7

Источники: рассчитано по: [3, с. 59; 6].

Расхождения в оценках объемов инвестиций по данным китайской и российской статистики существенно выше находящейся в фокусе постоянного внимания Банка России и Федеральной таможенной службы проблемы расхождения данных по внешнеторговому обороту [1]. Объемы вывоза капитала из России в Китай и вовсе указывают на то, что либо в России данная дея-

тельность не поддается наблюдению, либо китайская сторона по какой-то причине постоянно учитывает несуществующие объемы привлеченного из России капитала.

Таким образом, пока центральные регионы России получают китайские инвестиции в финансовую сферу деятельности, аренду и сферу услуг, периферийные российские регионы привлекают их в «первичный» сектор, то есть добычу полезных ископаемых, сельское и лесное хозяйство. Такая пространственная структура инвестиций в целом соответствует сложившейся структуре хозяйства и пространственному распределению производств и экономических агентов. Однако скромные объемы привлеченных инвестиций указывают на другие противоречия, которые, если судить по различным программам, концепциям и представительным встречам, состоят в желании видеть китайские инвестиции более диверсифицированными по видам экономической деятельности и, точнее, направленными в сферу производства, например, переработку леса и сельскохозяйственной продукции. При этом географическая привязка китайских инвестиций к приграничным и, шире, Дальневосточному и Восточно-Сибирскому регионам в целом соответствует «желаниям». Но инвестировать в перерабатывающие производства в этих регионах, видимо, должны только китайские инвесторы — по крайней мере, индексы концентрации национальных инвестиций и инвестиций из других стран указывают именно на это.

Российско-китайские интеграционные процессы «сверху» и «снизу» протекают на фоне этих противоречий между желаемым и реальным положением дел. Как показывает мировой опыт, модель интеграции «снизу» присутствует практически во всех странах мира — она может следовать за подписанием формальных договоренностей, предшествовать им или развиваться вне формальных соглашений об инвестиционном сотрудничестве. Опыт России и Китая только подтверждает, что государственные инвестиционные программы и, что крайне важно, институты и институции, поддерживающие их реализацию, должны быть комплементарны, а не конфликтны по отношению к складывающимся реальным моделям движения капитала. Иначе интеграция «снизу» все больше будет опираться на неформальные институты и практики, которые, закрепившись, будут и далее деформализовывать интеграционный процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вестник Банка России/ 2009. № 48–49. http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikCBR/2009/VestnikCBR2009_index.htm/ Дата обращения: май 2011.
2. Деловой Китай. Экономика и связи с Россией в 2000–2007 гг. Справочники Полпред. Совет ветеранов МИД РФ. М., 2007. Тома XXIV–XXV. 464 с.

3. Деловой Китай. Экономика и связи с Россией в 2008–2009 гг. Справочники Полпред. Совет ветеранов МИД РФ. М., 2009. Т. 47. 375 с.
4. *Либман А.* Модели корпоративной интеграции: региональные особенности // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 5. С. 47–53.
5. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы): одобрена Президентом РФ 23.09.2009 г.
6. Федеральная служба государственной статистики, Центральная База статистических данных. <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi#1>. Дата обращения: апрель — июнь 2011.
7. Федеральная таможенная служба. <http://www.customs.ru>. Дата обращения: март 2011.
8. *Alvarez R. A.* Beyond the border: Nation-state encroachment, NAFTA, and offshore control in the US Mango Industry // Human Organization, 2001. Vol. 60. № 2. P. 121–127.
9. *Beeson M.* Regionalism and Globalization in East Asia: Politics, Security and Economic Development. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007. 324 p.
10. *Bussiere M., Schnatz B.* Evaluating China's integration in world trade with a gravity model based benchmark. WORKING PAPER № 693. European Central Bank, 2006. www.ecb.int/pub/pdf/scpwps/ecbwp693.pdf. Дата обращения: май 2011.
11. *Chevassus-Lozza E., Galliano D.* Intra-firm Trade and European Integration: Evidence from the French Multinational Agro business // GRES Working Paper. 2006. № 24. 20 p. <http://ideas.repec.org/p/grs/wpegrs/2006-24.html>. Дата обращения: сентябрь 2009.
12. China data Center University of Michigan. www.chinadatacenter.org. Дата обращения: январь 2009.
13. *Ding X. L.* Informal Privatization through Internationalization: The Rise of Nomenklatura Capitalism in China's Offshore Businesses // British Journal of Political Science. 2000. Vol. 30. № 1. P. 121–146.
14. *Peng D.* Subregional Economic Zones and Integration in East Asia // Political Science Quarterly. 2002–2003. Vol. 117. № 4. P. 613–641.
15. *Reshmini L.* Regional Patterns of Industry Location in Transition Countries: Does Economic Integration with the EU matter? // Regional Studies. 2007. Vol. 41. № 6. P. 747–764.
16. *Ryzhova N.* Informal economy of translocations. The case of the twin city of Blagoveshensk–Heihe // Inner Asia. 2008. Vol. 10. № 2. P. 323–351.
17. *Scott J.* Comprehending Transboundary Regionalism: Developing an Analytical Domain for Comparative Research // RSA International Conference «Regional Potentials in an Integrating Europe». www.irs-net.de/download/berichte_3.pdf. Дата обращения: апрель 2011.
18. *Spindler M.* New Regionalism and the Construction of Global Order // GSGR Working Paper. 2000. № 93/02. 31 p. http://wrap.warwick.ac.uk/2025/1/WRAP_Spindler_wrp9302.pdf. Дата обращения: сентябрь 2009.
19. Unated Nations comtrade database. <http://comtrade.un.org>. Дата обращения: январь 2009.
20. *Urata S.* The Shift from «Market-led» to «Institution-led» Regional Economic Integration in East Asia in the late 1990s. The Research Institute of Economy, Trade and Industry (RIETI) Discussion Paper, 2004. 29 p. <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/04e012.pdf>. Дата обращения: апрель 2011.